

З. А. Ветошкина¹

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КАВКАЗСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСЕН И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье показана трансформация художественного мира, свойственная кавказским историко-героическим песням, в некоторых поэтических произведениях М. Ю. Лермонтова. Причины предпочтений определенных сюжетов связаны с ролью поэта в российском обществе и с индивидуальным мироощущением автора.

Ключевые слова: художественный мир, мироощущение, жанр, романтизм, сюжет, русская культура.

О любви русского поэта к Кавказу говорят практически все исследователи его творчества, об этом свидетельствуют и поэзия, живопись, графика М. Ю. Лермонтова. Оказавшись в этом волшебном краю в десятилетнем возрасте, он был поражен красотой природы, разбудившей в нем поэтическое чувство, стремление к высокому, исключительному. «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах; облаками меня одевали; вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе», – записывает уже шестнадцатилетний юноша в одной из своих тетрадей [3, с. 29].

Источниками лермонтовской поэзии о горах послужили личные впечатления и – особенно в юном возрасте – современная ему романтическая лирика с ее тяготением к экзотике, исключительным характерам и обстоятельствам. Позже, оказавшись на Кавказе в драгунском полку, поэт приобретает опыт сражений, ближе знакомится с местным населением, пытается проникнуть вглубь иного мировоззрения. Результатом одной из таких попыток явилась поэма «Беглец», написанная, по мнению биографов, после второй высылки М. Ю. Лермонтова на Кавказ. Данное произведение, с одной сторо-

¹ ВЕТОШКИНА Зинаида Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, учитель русского языка и литературы лицея Института социальных технологий и экономики, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: petr-pervy@yandex.ru.

ны, имеет все традиционные признаки жанра романтической поэмы, с другой – реалистически отражает картину мира, свойственную горцам. Главный герой Гарун, испугавшись за свою жизнь, бежит с поля битвы, в которой погибли его отец и братья – «за честь и вольность там легли» [4, с. 551]. Такой поступок юного еще воина не находит понимания ни у его друга, ни у возлюбленной, к которой он даже не решается войти. Особенной жестокостью отличается отповедь матери Гаруна, которой он объясняет свое бегство тем, что хотел ее утешить в горе. Старая женщина гневно отвечает ему:

*Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..* [4, с. 554].

Для русского читателя такой драматизм выглядит довольно экзотичным, диковинным. Для сравнения обратимся к другому стихотворению М. Ю. Лермонтова – «Казачьей колыбельной песне». В ней присутствует тот же мотив битвы как цели, ради которой человек рождается на свет в этом суровом мире, звучит тема семьи («отец твой старый воин, закален в бою»), но акцент делается на чувствах матери, вырастившей, собравшей и проводившей сына на войну, ее любви и тревоге:

*Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать...* [4, с. 172].

Ю. С. Степанов говорит о понятии «солдатские матери» – одном из ключевых, по его убеждению, для русской культуры – в следующей тональности: «Растила, растила сыночка... И вот он “призван”, он в “армии”... И хорошо еще если только покалечен... А то и вовсе больше нет его, нету родного, нету опоры в старости...» [8, с. 823]. И хотя указанная цитата относится в большей степени к рубежу XX–XXI веков, когда Россия предельно устала от гибели, часто бессмысленной, мужчин –

сыновей, мужей, тенденция, намеченная в стихотворении М. Ю. Лермонтова, прослеживается отчетливо.

Если же обратиться к фольклору кавказских народов, их героическим песням, являвшимся «нравственным образцом, которому должны были следовать в жизни» [6, с. 9.], можно убедиться, что сюжеты, подобные тому, с которым мы имеем дело в «Беглеце», не являются редкостью. Исследователи чеченского фольклора И. Мунаев и М. Ахмадов говорят о своеобразии образа матери как об одной из жанровых особенностей историко-героических песен илли: «В борьбе за правое дело ее сын не раздумывая должен принести в жертву и свою жизнь – вот лейтмотив пожелания матери. Она не имеет никого в этом мире, кроме единственного сына, которого она с большим трудом вырастила. Но даже его жизнью она готова пожертвовать *ради торжества справедливости и чести*» (выделено мной. – **З. В.**) [7]. Нам представляется интересным сопоставить с романтической поэмой М. Ю. Лермонтова илли (чеченскую героическую песню) «О Черном Ногае», в которой отец убивает своего сына даже не за трусость, а за то, что он проявил недостаточную сноровку во время набега и потерял три пуговицы с бешмета. Сюжет этого произведения весьма драматичен. Сын Черного Ногая совсем юный, он не достиг еще совершеннолетия (то есть пятнадцати лет), за него вступаются воины:

*Просим за смелого сына: «Смилоствивись, отец!»...
Канты, давайте разделимся, станем друг к другу лицом,
Ружья направим друг другу прямо в раскрытую грудь.
Выстрелим одновременно – одновременно умрем
Здесь, на подворье Ногая, где сына зарежет Ногай!»* [7, с. 64].

Мать также пытается уговорить непреклонного супруга:

*Вечный позор обретешь ты, если таким смельчакам
В просьбе законной откажешь, если ты сына казнишь!* [7, с. 65].

И тогда Ногай объясняет причину своей непоколебимости. Он не отступает от принятого решения не только потому, что дал клятву (в песне несколько раз повторяется мотив неруши-

мости слова горца). Воин рассказывает историю, которая произошла с ним в юности. Однажды он преследовал всадника, с которым хотел сразиться, вступил с ним в единоборство, победил и, уже отпустив его на волю, сорвал с его головы папаху:

*Вдруг увидел: волосы густые,
Золотые стали рассыпаться
По плечам, – девицей оказался
Этот кант, невозмутимый всадник [7, с. 69].*

Рассказ оказался о матери провинившегося юноши. «Вот какая женщина, канты, сына любимого мне родила! Так не стыдно ль ему в набеге быть таким ненадежным, а?» – печально заключает свою историю Ногай [7, с. 70]. Важно, на наш взгляд, отметить, что в этой песне декларируется не только необходимость любой ценой отстоять честь рода, нерушимость данного слова, но и стремление к совершенству: воин должен быть безупречен во всем, мелочей для него не существует. И для сына Черного Ногая такой финал выглядит более достойным, чем тот, что предполагался ранее: юноша не хотел возвращаться домой, собираясь остаться жить в лесах. И. Мунаев и М. Ахмадов отмечают: «Критерии моральной оценки того или иного человека, которые просматриваются в фольклорных произведениях, свидетельствуют о том, что для чеченского народа наиболее важным в жизни было нравственное, духовное, нежели материальное» [6, с. 15].

Попытаемся найти ответ на вопрос: почему же фольклор горцев так интересуется М. Ю. Лермонтова, становится одним из главных источников его вдохновения? Безусловно, кавказские народы привлекают поэта своим свободолобием. Об этой черте кабардинцев, черкесов, чеченцев упоминают многие ученые. В силу исторических и географических условий горцам постоянно приходилось обороняться от врагов, вести бои, отстаивая личную и национальную свободу [1, с. 399, 2, 3, с. 224], представление о которой в фольклоре достигает определенного обобщения: «Но свобода это особая. Она предполагает – держать себя в “несвободе”? в особой системе нравственных запретов и поощрений. Это свобода совершать нравственные, добрые, благородные поступки во имя Высшей Справедливо-

сти» [6, с. 10]. Такого рода идея, бесспорно, находила отклик в душе М. Ю. Лермонтова, в лирике которого отражалось не только стремление к свободе – необходимому условию творчества (что, несомненно, в русле заложенной А. С. Пушкиным русской литературной традиции), – но и стремление к высокому и, по всей видимости, недостижимому в земной жизни, идеалу красоты, благородства, истины. Нравственный максимализм поэта отмечался не раз, многие критики разделяют точку зрения Н. О. Лосского [5], который видел его разгадку в мироощущении, свойственном автору стихотворения «Ангел». ««Душа молодая», принесенная в “мир печали и слез”, не может найти счастье в “сучных песнях земли”» [9, с. 225]. Привлекала поэта и бескомпромиссность в вопросах храбрости, мужества, чести – эти качества горцы проявляют в интересах семьи, рода. Российские же воины служат своему государству, цели которого для них нередко оказываются чуждыми. Не зря такими популярными, знаковыми для русской культуры стали строки стихотворения «Валерик», лирический герой которого утверждает бессмысленность завоевательной войны:

*...Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем? [4, с. 205].*

Особо, по нашему мнению, следует отметить тот факт, что М. Ю. Лермонтова не могла не восхищать высокая ценность семейных уз, свойственная мировоззрению горцев. Сам поэт чувствовал себя одиноким: рано потерял мать, мало общался с отцом, да и в целом родственные связи в русском обществе в то время были слабее, чем у коренных народов Кавказа. Контрастным по отношению к художественному миру фольклорных героических песен, а также поэмы «Беглец», выглядит «Завещание» поэта. Лирический герой – не трус, он предчувствует скорую смерть «за царя» (возможно, бессмысленную, «напрасную»), которую он встретит мужественно, не потеряв чести, и просит друга сообщить об этом дорогим для него людям. При этом воин с грустью признает:

*...моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен [4, с. 206].*

Отца и матери скорее всего нет в живых, возлюбленная позабыла его, да и не способна к настоящему чувству:

*Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит! [4, с. 207].*

Мы видим, что поэт искал в народной поэзии Кавказа тот ключ естественной жизненной энергии, который начал уже иссякать в обществе (вспомним, например, стихотворение «Дума»). Фактически воюя против горцев, русский поэт, поручик М. Ю. Лермонтов замечает много привлекательного в их в мироощущении. Как и А. С. Пушкин во время написания цикла «Подражания Корану», он стремится максимально понять «другого», его мировоззрение, «мотивированное исторической и национальной далекостью» [10, с. 46]. Незадолго до смерти размышляет он и о месте своих соотечественников среди других народов: «Мы должны жить своей самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое... Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны» [3, с. 306].

Итак, возвращаясь к вопросу источника жизненной силы, вдохновения М. Ю. Лермонтова, согласимся с мнением первого его биографа П. А. Висковатого: «Кавказ открыл ему свои объятия, величественные, как душа поэта, и объятия эти заменили ему ласки рано умершей матери, а позднее – любовь родной души, дружбу близких и далекую родину» [3, с. 29].

Использованная литература:

1. Абаев В. И. Избранные труды: в 4 т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1.: Религия. Фольклор. Литература.
2. Бекоев В. И. О жанровой природе историко-героических песен осетин // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4 (29). С. 99–102.

3. Висковатый П. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова / под ред. Е. Л. Сосниной. М.: Гелиос АРВ, 2004.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / сост. и комм. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1988. Т. 1.
5. Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: Ключ, 1990.
6. Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX вв.: илли, узамы / сост. И. Б. Мунаев, А. В. Преловский. М.: Новый ключ, 2005. С. 7–32.
7. О Черном Ногае (Пер. А. Преловского) // Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX вв.: илли, узамы / сост. И. Б. Мунаев, А. В. Преловский. М.: Новый ключ, 2005. С. 54–70.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
9. Татаринев А. В. Дионис и декаданс: поэтика депрессивного сознания. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
10. Эткинд Е. Пушкинская поэтика странного: поиски новой выразительности и цикл «Подражания Корану» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина / под ред. Д. Сегала и С. Шварцбанда. Иерусалим, 2000. С. 45–64.

ARTISTIC WORLD OF CAUCASIAN HISTORICAL-HEROIC SONGS AND ITS REFLECTION IN M. YU. LERMONTOV'S POETRY

VETOSHKINA, Zinaida – PhD (Theory of Language), Assos. Prof., Lecturer of Russian Language and Literature, Lyceum at Institute of Social Technologies and Economics, Krasnodar, Russia Krasnodar, Russia.

E-mail: petr-pervy@yandex.ru

The article dwells on the transformation of the artistic world peculiar to Caucasian historical-heroic songs as shown in some poems by M. Lermontov. The reasons for the preference of certain plots are shown to be connected with the poet's role in Russian society and with the author's individual perception of the world.

Keywords: *artistic world, perception of the world, genre, romanticism, plot, Russian culture*

References:

1. Abayev, V. *Izbrannyye trudy (Selected works)*, 4 vols., Vol. 1: Religiya. Folklor. Literatura., Vladikavkaz: Ir, 1990.

2. Bekoyev, V. *O zhanrovoy prirode istoriko-geroicheskikh pesen osetin* (On the nature of the genre of historical and heroic songs of the Ossetians), *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2008, no. 4 (29), pp. 99–102.
3. Viskovaty, P. *Zhizn i tvorchestvo M. Yu. Lermontova* (Life and creative work of Mikhail Lermontov), Sosnina, Ye. L., Ed., Moscow: Geliost ARV, 2004.
4. Lermontov, M. *Sochineniya v dvukh tomakh* (Works in two volumes), 2 vols., Vol. 1, Moscow: Pravda, 1988.
5. Lossky, N. *Kharakter russkogo naroda* (Russian People's Character), Moscow: Kliuch, 1990.
6. Munayev, I. and Akhmadov, M. *O chechenskom pesennom folklore* (On Chechen song folklore) // In: *Chechenskaya narodnaya poeziya v zapisiakh XIX–XX vv.*: Illi, Uzamy (Chechen folk poetry in the records of the 19th–20th centuries: Illi, Uzamy), Moscow: Novy klyuch, 2005, pp. 7–32.
7. *O Chernom Nogae* (On Black Nogai) // In: *Chechenskaya narodnaya poeziya v zapisiakh XIX–XX vv.*: Illi, Uzamy (Chechen folk poetry in the records of the 19th–20th centuries: Illi, Uzamy), Moscow: Novy klyuch, 2005, pp. 54–70.
8. Stepanov, Yu. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* (Constants: *Thesaurus of Russian Culture*), Moscow: Akademicheskyy proyekt, 2004.
9. Tatarinov, A. *Dionis i dekadans: Poetika depressivnogo soznaniya* (Dionysus and decadence: Poetics of depressive consciousness), Krasnodar: Kuban. gos. univ., 2010.
10. Etkind, Ye. *Pushkinskaya poetika strannogo: poiski novoy vyrazitel'nosti i tsikl "Podrazhaniya Koranu"* (Pushkin's poetics of the strange phenomena: searching for a new expression and the cycle "Imitations of the Quran") // In: *Koran i Bibliya v tvorchestve A. S. Pushkina* (Quran and Bible in the works by Alexander Pushkin), Segal, D., Shvartsband, S. and Bobyshev, D., Eds., Jerusalem, 2000, pp. 45–64.

Дж. П. Кошубаев¹

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

В статье рассматривается один из самых острых вопросов лермонтоведения: каким могло быть отношение самого поэта к Кавказской войне? Проанализированы различные мнения и оценки, приводятся свидетельства участников войны, показано, как менялось отношение к ней Лермонтова.

¹ КОШУБАЕВ Джамбулат Пшимафович – заведующий отделом по выпуску литературы на русском языке издательства «Эльбрус», Нальчик, Россия. Электронная почта: elbrus_book@mail.ru.